

ДЕТЕКТИВ

С ОГОНЬКОМ

Татьяна Луганцева

БРАДОБРЕЙ
ДЛЯ СТАРИКА ХОТТАБЫЧА

Иронический детектив (АСТ)

Татьяна Луганцева

**Брадобрей для
Старика Хоттабыча**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Луганцева Т. И.

Брадобрей для Старика Хоттабыча / Т. И. Луганцева —
«Издательство АСТ», 2022 — (Иронический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-144712-0

Кто сказал, что с возрастом жизнь женщины становится скучной и размеренной? Яна Цветкова опровергает все стереотипы. Ей уже за сорок, она мать двоих детей, однако поклонники у Яны не переводятся. Как и неприятности, в которые она по своему обыкновению влипает! Город Санкт-Петербург вообще действует на Яну мистическим образом. Ведь тут живёт Мартин, любовь всей её жизни. Этого красавца осаждают толпы роскошных женщин, а он... Он ждёт Яну, несмотря на то что формально она связана запутанными отношениями с другим мужчиной. Неожиданно люди вокруг Яны начинают умирать, а сама она почему-то теряет сознание на каждом шагу. Яна оказывается в центре искусно сплетённой интриги, и ей приходится самостоятельно выбираться из смертельно опасной ситуации.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-144712-0

© Луганцева Т. И., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Татьяна Луганцева	5
Глава 1	6
Глава вторая	16
Глава третья	20
Глава четвертая	26
Глава пятая	28
Глава шестая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Луганцева
Брадобрей для Старика Хоттабыча

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Т.И. Луганцева, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Яна Карловна Цветкова на окружающих производила неизгладимое впечатление. Ей было за сорок, но сколько лет, Яна никогда не уточняла. Она была высока, стройна, густые светлые волосы касались талии. У нее были красивые ладные ноги с тонкими щиколотками, изящные запястья, точёная шея. Цветкову часто принимали за профессиональную модель, но на самом деле у нее была совсем иная профессия. Она представляла занятие модными тряпками скучным – плясать под чужую дудку, слушаться модельера, стилиста, фотографа... Ну уж нет! Молчать и подчиняться она не умела, и все бы ее попытки влиться в стройные ряды измождённых диетами манекенщиц закончились бы, как всегда, грандиозным скандалом.

Цветкова родилась в необычной семье мастера по изготовлению гробов и ведущей актрисы Театра юного зрителя. Родители развелись, когда она была в подростковом возрасте, что не удивительно, уж очень разными они были. Родители Яны больше не искали семейного счастья. Отец умер рано. Скончался прямо на кладбище. Мать самозабвенно продолжала служить Мельпомене. Яна росла за кулисами, видела каждый спектакль по сто раз. Иллюзий по поводу «небожителей» у нее давно не было, потому что она наблюдала театральную кухню изнутри. Принц-красавчик снимал парик, корсет и превращался... в пузатую тыкву. Красная Шапочка хлестала коньяк, курила и разговаривала таким хриплым свистящим басом, что никакой волк бы не выдержал – сдох бы от нервного припадка. Вместо свежих пирожков, которые Красная Шапочка несла бабушке в корзиночке, лежали пластмассовые муляжи, об один Яна сломала молочный зуб. Театр Яне не казался сказочным местом, а только помещением с тесными гримёрными, узкими проходами, тусклыми лампами, пыльным реквизитом и вечно грызущимися между собой недовольными жизнью и друг другом артистами.

Театр Яну не привлекал абсолютно. В то время как многие девушки мечтали поступить в театральный институт, чтобы потом блистать на сцене или сниматься в кино, Яна для себя сразу же решила: какая угодно, только более серьёзная профессия. А ведь и мать, и ее сослуживцы-артисты пророчили ей именно карьеру артистки. У Яны находили артистические задатки, которые ей бы недурно было развивать. Девочка занималась танцами, училась в музыкальной школе, ходила в театральный кружок, но самой большой страстью в ее жизни стало рисование. Яну пленил запах масляных красок, вид мольберта, жёсткие и мягкие кисточки. Белый лист ватмана приводил ее в восторг, она даже пробовала кончиком языка на вкус акварельные краски – они казались ей глянцевыми разноцветными помадками. К слову сказать, акварельки у юной Яны получались недурные.

Валентина Петровна, мать Яны, всё-таки в тайне надеялась, что ее Янка всё-таки придёт служить в театр. Она даже упросила режиссёра занять дочь в некоторых спектаклях, и Яна играла маленьких девочек, а порой и мальчиков. Яна матери не перечила, но и к театральной жизни относилась холодно.

Творческий коллектив театра в городе Волжске был, скажем, не очень молодой, но новичков в труппу старались не брать – своим ролей не хватало. Поэтому если и появлялся в театре выпускник театрального вуза или блатной, которого старались пристроить по знакомству, долго он на этой сценической площадке не задерживался. Серпентарий единомышленников не давал ему никакого шанса пустить корни на сцене детского театра.

Яна как-то присутствовала при жутком скандале. Молодая зарёванная актриса, ворвавшаяся в гримёрку, где находились ее мать и Коровкина, орала как иерихонская труба:

– Старые хрычовки, выдры щипаные! И когда вас только чёрт в преисподнюю уволочёт! Что глаза отводите, не смотрите на меня? Думаете, я вам на смех далась? Звёзды погорелого театра! Свили змеиное гнездо в своей Тухляндии, кобры беззубые! Думаете, если я молодая артистка, так надо мной можно измываться? Ну уж нет! Фиг вам! Меня, между про-

чим, в Москву приглашают на пробы. Да-да, один очень известный режиссёр. А что вы воображали – я с вами тут весь век буду куковать? Я знаю, чьи это пробы... Знаю! И пощады вам не дожидаться, так и знайте. Ничего себе распределение ролей! Я – Колобок! Мне, с моими внешними данными, играть Колобка в вонючем поролоновом костюме, задыхаясь от жары, а вы, замшелые гримзы, будете скакать по сцене в костюмчиках Лисы да Зайчика да танцы под балалайку выкаблучивать! Это-то с вашими подагрой и радикулитом! То ли пляска лесных гадюк, то ли танец святого Витта, прости господи. Дранные обезьяны! Вы еще меня попомните!

Фурия вылетела за дверь, растолкала столпившихся в дверях привлечённых ее воплями артистов, с наслаждением наблюдавшими за этим бесплатным спектаклем, и яростно застучала каблучками вниз по лестнице. От ее визга шляпа с тронным пером из сказки «Кот в сапогах» плавно спланировала с пыльного шкафа на пол.

К чести немолодых актрис надо сказать, что во время этого представления ни Валентина Петровна, ни Клавдия Ильинична глазом не моргнули, словно мгновенно обе оглохли. Одна спокойно приклеивала к своим ресницам пёрышки райской птички для образа Жар-Птицы, а ее подруга и напарница Коровкина непринуждённо брила ногу.

– Мама, что здесь происходит? Крики на улице слышны, – поинтересовалась Яна, войдя в грим-уборную и убирая шляпу кота обратно на шкаф.

– Лизка с глузду съехала, ничего страшного, – ответила ей спокойно мать. – Видишь ли, распределение ролей ей не понравилось! Не видит она себя в роли Колобка, дура профнепригодная. Я в ее возрасте однажды даже табуретку играла, ну и что? Не умерла же я от стыда в страшных судорогах, жива-живёхонька, как видишь. А она думала, что ей будут предлагать только роли принцесс и сказочных красавиц! Ха! Фигу ей, а не хрустальные башмачки! Начинаящий актёр должен пройти и Крым, и рым, приобрести творческий опыт. А ей всё сразу на блюде с голубой каёмочкой подавай! Нет, так не бывает. Не нравится роль Колобка – катись колбаской по Малой Спасской! Тебя здесь никто не держит! Лети, ты свободна, как ветер! Перо Лизке в одно место... – И Валентина Петровна взмахнула своими новыми ресницами, пристально глядя в зеркало. Кажется, результат ее удовлетворил.

Клавдия Ильинична поддержала подругу, принимаясь за другую ногу:

– Права Валечка, ох как права! Распустили мы нашу молодёжь! Не успела из подгузников выпростаться, и уже роль Лисы ей подавай! А подумала бы она своими куриными мозгами, как мне, например, в душном закрытом костюме с моей гипертонией! Сразу же давление поднимается. Ну никакого уважения нету, честное слово, один пофигизм! Да эта фря ни в одной трупке не уживётся, с ее-то характером истеричным. Тьфу ты, вот даже порезалась из-за нее... Шмакодявка!

– Да вы-то сами невинными овечками не прикидывайтесь, – хмыкнула Яна. – Знаю я вас. Схрумкали девчонку и не поперхнулись.

– Что ты, Яночка! Что ты! Ты же сама всё видела и слышала! Мы же ей ни одного дурного слова не сказали, а с ней-то просто истерика. Метёлка припадочная... – пожала плечами Валентина Петровна.

– Так вы же и довели ее до припадка! Я что, не знаю ваши таланты?

– Хотя кто-то отметил наши таланты, и на том спасибо, – Клавдия Ильинична закончила бритье и довольно оглядела результат своей работы.

Яна плюхнулась на вытертый продавленный диванчик.

– Хорошо, мама, что я не захотела стать актрисой. Представляю, как бы вы меня тут гоняли и в хвост, и в гриву.

– Янка, ну что ты такое говоришь? – Валентина Петровна накинула на плечи боа из перьев и критически осмотрела себя в зеркале, поворачиваясь перед ним то так, то эдак. – Ты же нам не чужая, роднуля. Ты для нас своя, и в твоём творческом потенциале мы не сомневаемся, – успокоила Яну матушка.

– Вот вы и прокололись! Своя – примем, не своя – так доведёте до белого каления.

За дверью гримуборной послышалось деликатное покашливание и негромкий стук в дверь. Не дожидаясь приглашения, в гримёрку вальяжно вплыл известный повеса, любитель женщин, заслуженный артист и ведущий актёр театра Иван Демидович Головки.

– Девочки, не ссорьтесь, – сказал он и тяжело опустился на диванчик рядом с Яной.

Головки был настоящий театральный лев. Высокий, громогласный, импозантный – его назначали на все главные мужские роли, он умудрялся играть даже молоденьких принцев. Женщин любил до умопомрачения, жил на широкую ногу, не гнушаясь никакими приработками, но семью так ни разу и не создал. Женщин через его руки прошло – тьма, но он так и не остановил ни на одной свой выбор. Положа руку на сердце, можно было сказать, что и муж из него получился бы некудышный. Отправь такого бонвивана мусорное ведро вынести! Женщины интуитивно, наверное, это понимали, и ни одна не решилась опутать Ивана Демидовича брачными узами. Расставался он обычно со своими пассиями легко, никогда не нагружая себя женскими проблемами.

Иван Демидович вальяжно откинулся на спинку диванчика и сообщил новость:

– Слыхали? Говорят Лизка, ну та, что новенькая, уже заявление на увольнение подала. Это не вы ли, мои кобры, довели девчонку?

– Стукнуть бы тебя чем-нибудь по голове, Ваня, за такие слова, да что толку? Ты же башкой всё равно не думаешь. Недоволен, что очередная жертва ускользнула из твоих цепких лап?

– Не говори глупостей, Валюшка! Женщин на мой век хватит. Мне ведь любая интересна – и блондинка, и брюнетка, и худенькая, и толстенькая – всех обожаю. Так что можете за меня не волноваться, я не пропаду. А уж тебя с Клавошкой вообще боготворю, подружки мои боевые!

– Ну, конечно! – воскликнула Клавдия. – Куда же ты без нас! Помнишь на гастролях в Архангельске я тебя в два часа ночи из отделения полиции выручала? Ты ведь нахлестался как свинья и песни стал орать дурным голосом, да не где-нибудь, а под окнами тамошнего прокурора. Тебя и скрутили.

– А когда ты пьяный в коровнике уснул, – добавила Валентина Петровна, проведя пуховкой с пудрой по носу, – утром всех доярок до смерти перепугал! Коровы заикаться начали! Мы тогда ходили к председателю колхоза объясняться, помнишь, Клавошка? – повернулась Валентина Петровна к Коровкиной. – Стыд и срам, Иван! Зачем ты в коровник, прости господи, полез? Что ты там забыл?

– Ну, я же тебе уже объяснял. Понравилась мне на концерте одна симпапулечка, я к ней подкатил, автограф, то да сё. Оказалось, доярка. Экзотика! Я ей свидание назначил в коровнике, а она, ветреница, не пришла. Я ждал, ждал, бутылку портвейна, что для нее приготовил, выкушал, конфетками закусил и уснул на куче навоза. Ну, конечно, утром у меня вид был еще тот, недаром доярки визжали, как резаные.

– Ты, Ваня, на выдумки горазд. За тобой глаз да глаз нужен. И когда только ты угомонишься, ведь не мальчик уже, посмотри, вся голова седая.

– Не угомонюсь. Это не в моих правилах. – Иван Демидович поднялся и направился к двери. – Прощайте, кукушечки мои. Яночка, ты со мной? Могу подбросить тебя до дома, я сегодня на машине.

Яна вскочила с диванчика.

– До свидания. – Она с облегчением покинула гримёрку, еще раз мысленно поздравив себя, что выбрала профессию себе по душе.

Яна с отличием окончила стоматологический факультет медицинского института и своей профессией гордилась.

К сожалению, ей не пришлось вкусить молодой, весёлой, студенческой жизни. Она очень рано выскочила замуж, и студенческие тусовки были не для нее. Студенческие браки, как пра-

вило, редко бывают крепкими. Молодость и гормоны своё берут – в голове ветер, жизненного опыта никакого. Молодые люди в этот период очень впечатлительны, горят желанием получить новые эмоции и ощущения. Не думая о последствиях, они могут совершать совершенно невозможные, зачастую безрассудные поступки. Для них в этот период нет авторитетов, они всё знают лучше всех. Брак Яны с Юрием Раловичем оказался ошибкой. Юра по уши влюбился в Яну и был готов носить ее на руках, но она вскоре поняла, что ее избранник может лишь отлично танцевать брейк, но к ответственной семейной жизни абсолютно не готов. Они расстались. Ралович пережил развод очень тяжело, мужчинам вынужденное расставание дается труднее, они становятся менее уверенными в себе и часто теряют почву под ногами.

Вторым мужем Яны стал культурист Стадник. По случайности его тоже звали Юрием, так что ей не пришлось даже привыкать к новому имени. Роман у Яны со Стадником начался еще в ту пору, когда она была замужем за Раловичем, и это в какой-то мере послужило распаду их брака. Стадник был хорош собой необыкновенно, но кроме секса Яну и его ничего не связывало. Влюбленность приходит к каждому человеку на определенное время, а потом оказывается, что тебе и поговорить с мужем не о чем. Так получилось и у Яны. С каждым днём Яна всё дальше отдалялась от своего мужа и этим вызвала неукротимую ярость свекрови, матери Стадника. Из-за разлада в семье Юрий начал пить и вскоре так увяз в этом занятии, что до конца жизни уже не смог избавиться от порочной привязанности. Во время семейной жизни в голову Стадника втемяшилась идея эмиграции. Ему захотелось уехать в Америку. Что он там будет делать и кому он там нужен, Юрий не задумывался и ответить на этот вопрос вразумительно не мог. Яна училась в институте, у нее дома оставались мать и бабушка, и она думать не думала покидать родину. Но Юрий упёрся как баран и вскоре отбыл на чужбину. Семья распалась.

И с первым, и со вторым мужем Яна прожила только год.

Яна ушла в учёбу с головой, но не думать о своей женской судьбе она не могла. Да и как не думать? Ей двадцать лет, а за плечами уже два неудачных брака. Что с ней не так? В чём она виновата? Ведь поначалу казалось, что ее брачный союз нерушим, что она стала с любимым единым целым, а через год – на тебе – развод! Конечно, фактически все люди в течение жизни меняются, но меняются они, как правило, с разной скоростью. Вот, например, она – учится с отличием, интересуется искусством и спортом, ушла в своём развитии далеко вперёд, а Юрий... А Юрий остался на прежнем уровне, для него самое главное – это максимальное развитие всех мышечных групп и эталонное построение любимого тела. Ну, кому это интересно, кроме самого Юрия?

Сверстницы Яны только-только входили во взрослую жизнь, выскакивали замуж и рожали детей. Яна же даже думать о новом замужестве не могла, двух браков ей хватило с лихвой. Но человек, как говорится, предполагает, а бог располагает.

Однажды Яне показалось, что она наконец-то встретила идеального мужчину. Им оказался бизнесмен Ричард Тимурович Алисов. Мать Яны, не жалея слов, расхваливала нового знакомого дочери на все лады.

– Серьёзный человек! Не танцор, не качок! – твердила Валентина Петровна. – Порядочный, спокойный, домашний! Лучший для тебя муж, а для меня лучший в мире зять. Я уж и не надеялась, что на твоём пути встретится такой мужчина. И помни, что бог любит троицу. Третье твоё замужество будет успешным!

Уже много позже Яна поняла свою ошибку. Да, она зацепилась за делового мужчину, он привлек и умом, и надёжностью, но она больше следовала советам окружающих людей, чем своим чувствам. Ей очень хотелось, чтобы у нее наконец-то всё стало как у нормальных людей, стало так, как она это себе представляла. Ричард дал ей семейное счастье.

Чуть за тридцать Яна родила Вовочку, и ее матери показалось, что теперь-то она может вздохнуть спокойно – судьба дочери в надёжных руках.

Сын достался Яне очень тяжело, она сразу же поняла, что такой подвиг ей больше в этой жизни не повторить. Ей и так было уже не двадцать лет. Ричард обучил Яну основам бизнеса, и она открыла свою стоматологическую клинику. Деньги ей буквально упали с неба – Цветкова получила неожиданное наследство из-за границы. Каким-то непостижимым образом о неожиданном богатстве пронюхал ее бывший муж Юра Стадник и, желая без особых хлопот разбогатеть, решил заново заполучить Яну в жёны. Он вернулся в Россию и начал обхаживать Цветкову со всех сторон. В его не очень здоровой голове зародился идиотский план – убить Яну, чтобы стать богатым вдовцом. Яна оказалась крепким орешком. Стадник потерпел поражение, а Яна после всех потрясений вернулась в лоно семьи.

Семейная жизнь ее была скучна и приторна до зубовного скрежета. Обожающий ее Ричард представлялся Яне ангелом во плоти. Все были счастливы, все, кроме самой Яны. Ей казалось, что она попала в розовую шкатулку, украшенную кружавчиками, где ее кормят одними тортами и пирожными с жирным масляным кремом, а вместо перекуса дают пососать чупа-чупс. Это было кошмарно, паточно до тошноты. Яна конечно же понимала, что у нее крепкая нормальная семья, но почему-то такая жизнь ей совсем не нравилась.

– Может, я не семейный человек? – спросила она как-то у своей единственной и неповторимой подружки Аси Кудиной, решив поделиться своими переживаниями.

– А, по-моему, ты просто зажралась, – отрезала Ася.

С Асей Яна дружила с детского садика, такое тоже бывает. Потом они учились в разных школах, но постоянно общались, каждый день перезванивались, подолгу болтали, встречались не менее одного-двух раз в неделю. У Аси были очень строгие родители, и был период, когда они запрещали дочери общаться с хулиганистой Яной. Янка всегда выглядела экстравагантно, постоянно влипала в разные истории, у нее имелась не менее своеобразная мать-актриса, и росла Яна в неполной семье. Всё это родители Аси Кудиной считали неблагоприятными обстоятельствами.

Но девочек-подружек, а потом и взрослых женщин невозможно было разлучить, они были не разлей вода – всю сознательную жизнь вместе. А ведь все знают, что настоящая крепкая дружба влияет на женское душевное и физическое состояние так же сильно, как спортивные занятия и правильное рациональное питание. Только верная подруга может помочь женщине справиться со стрессом и восстановиться после болезни.

Ася была спокойной и уравновешенной дамой, тогда как Цветкову постоянно одолевали разнообразные страсти и приключения. Женщины были нужны друг другу, подруга всегда могла остудить пылкий нрав Яны. Ася, в отличие от Яны, не обладала никакими артистическими способностями, зато имела здравый смысл, уровень ее логического мышления был довольно высок. Ася была адвокатом по уголовным делам, и вела дела весьма успешно.

Следующей зазнобой Яны стал чех, потомок древнего рода, князь Карл Штольберг. Вот на него-то Яна и обрушила всю свою любовь и страсть, словно огнедышащую вулканическую лаву. Карл был и красив, и умён, владел огромным замком и огромным же состоянием. Яну поразило, что он собственноручно выкармливал и выхаживал покалеченных птиц, не брезговал никакой работой. В этих отношениях приторности не было, зато романтика зашкаливала. Яна не могла обманывать мужа, потому что в первую очередь сам Ричард этого не заслуживал. Ее уход из семьи никто из родственников и знакомых не понял. Мать угрожала, что у нее случится инфаркт, если дочь бросит Ричарда. Но Яна ничего не могла с собой поделать. Она хотела жить с мужчиной, которого выбрала сама.

Карл, вдохновлённый тем, что Яна развелась, сразу же всё испортил – он сделал ей предложение. И тут уже Яна задумалась. А правильно ли она сделала, что задурила князю голову? Развлекаться вместе – это одно, а вот страшное слово «брак» убивало все чувства Яны, словно иголка бабочку на доске натуралиста.

А замужество с Карлом Штольбергом еще изначально, на берегу, не обещало быть безоблачным. В обязательном порядке Яне надо было родить наследника, у Карла не было детей, а он был последним представителем княжеского рода. А рожать она больше не собиралась. Сын у нее уже был, а больше детей она не планировала. Карл потребовал, чтобы они после свадьбы жили в Чехии, а Яна не хотела уезжать не то что из страны, а даже из Москвы.

Единственный город, пленивший ее воображение, был Санкт-Петербург. Если бы Яну спросили, где бы она хотела жить до конца своих дней, то она бы выбрала Питер, но, к сожалению, после того как они с Ричардом расписались, пришлось уехать жить в Москву.

Яна прекрасно понимала, что ей придется выбирать – брак или свобода. Карл не признавал ее метаний, для него было делом привычным принимать важных гостей, ходить на различные мероприятия, постоянно находиться под сиянием юпитеров и в окружении газетчиков. Яне пришлось бы сопровождать его на все церемонии, мило улыбаться незнакомым людям, говорить им банальности, смеяться над чужими глупыми шутками. Ее только от одной мысли об этом бросало в дрожь – бр-р-р. Их роман на две страны был мучителен.

Яна сделала всё, чтобы оставить отношения с Карлом на уровне романтических, но он настаивал на официальном браке, и она ушла, разбив Карлу сердце. Яна ненавидела себя за то, что приносит всем несчастье. Все вокруг уговаривали ее вернуться к мужу. Тем более, что Ричард простил ее! И Яна снова вышла за него замуж. Сделала она это ради их общего сына, чтобы Карл оставил ее в покое, чтобы он не разрывал сердце ни себе, ни ей.

Когда Яна вернулась в семью, Карл чуть с ума не сошёл. Несколько лет ему понадобилось, чтобы вернуть жизнь в прежнюю колею. Он встретился с юной девушкой Степанидой, тоже из России, которая была согласна на все его условия и отвечала всем требованиям княжеского рода.

Стеша была красива, знала несколько иностранных языков, но самое главное, она была здорова и могла родить наследника. Внешне Стеша очень напоминала Яну: худая высокая блондинка... только моложе. Карл элегантно называл свою жену Стефанией. Но жизнь у супругов в браке не сложилась. Карл после рождения дочери стал лучше понимать Яну: как ни старайся, невозможно жить с человеком, к которому не испытываешь никаких чувств. Он не любил Стефанию и пытался снова вернуть Яну, но она и слышать о нём не хотела. Для Яны разрушить чужой брак было делом невозможным.

Карл Штольберг всё же развёлся с женой, выплатил ей несколько миллионов долларов, полностью обеспечив безбедное существование на всю жизнь. Наследница осталась с отцом в замке.

Яна первое время очень злилась на Карла, что он использовал девушку в своих корыстных целях. Она родила ребёнка, и он выгнал жену вон. Стеша своё дело сделала. Миллионы – это, конечно, хорошо, но ведь и очень унижительно. Все же понимают, что произошло на самом деле. Яна высказала всё это Штольбергу при встрече, но Карл ответил, что до брака они со Стефанией заключили брачный контракт, по которому дети в любом случае остаются в Чехии, с отцом. И если бы Стефания была против, то она не подписала бы этот документ.

– Мне это трудно принять, – ответила Карлу Яна. – Я сама мать, и ты меня убей, не понимаю, как можно вот так запросто отдать свою малышку. Деньги – дело хорошее, но я всё равно не могу это принять...

– Люди разные, – Карл тяжело вздохнул. – Я же Стефанию не обманывал, у нас всё было по-честному, она знала, на что шла. Между нами не было страстной любви. К тому же Стефания прекрасно понимает, что для дочери я в лепёшку расшибусь, но сделаю так, чтобы она ни в чем не знала отказа и получила прекрасное образование. К тому же, она может видаться с матерью когда захочет, никаких ограничений нет. Настя – это моя дочь и наследница большого состояния, а это обязывает, согласись.

Яна подняла на него глаза.

– Карл, прости меня...

– За что?

– За то, что у нас с тобой ничего не получилось. Ты же классный. Любая бы за тебя пошла.

– Яна, я тебя люблю и ничего с этим поделать не могу. Ты навеки в моём сердце, прости за высокопарный стиль, но это именно так. Люблю и думаю только о тебе. Я буду ждать тебя всю жизнь. Надежда умирает последней.

Яну очень расстроил разговор с Карлом, и как-то в беседе с подругой она вернулась к этой теме.

– Ты бы отдала своего ребёнка, считай, что за деньги? Вот у тебя всё будет: десятки квартир, украшения, яхта, полное содержание. Ты ни в чём не будешь нуждаться, но дочь останется с отцом? – спросила Яна у Аси. – Я бы не согласилась.

– Это было изначально оговорено в их брачном контракте. Степанида сознательно пошла на то, что если в браке появятся дети, то они останутся с отцом, будут гражданами Чехии. Начнём с того, что ты бы такой договор не подписала, а она запросто. Потом, не забывай, что я работаю адвокатом по уголовным делам и знаю истории намного страшнее. Знаешь, порой баба ради мужика, ради «штанов», легко отказывается от своих детей, отдавая их родственникам или сбавивая в интернаты. Если, например, любимый ей говорит, что с ней жить будет, но чужие дети ему не нужны, то такие дамочки обычно выбирают самца, а не ребёнка. А одна стерва так вообще заперла двух своих малолетних детей в избе и подпалила ее, представила дело так, что малыши баловались со спичками и сгорели.

– Ужас какой!

– А ты говоришь! Крошка Степанида – дама рациональная, холодная, она всё просчитала, жизнь свою обеспечила, а ребёнок ей не очень-то и нужен был.

– Карл не запрещает ей видиться с малышкой, она сама не навещает дочь. Как так можно? Я бы каждую неделю приезжала.

– Не надо судить сгоряча. Мы же не знаем ничего о Степаниде точно. Ну, то, что Стеша не видит дочь, это, конечно, плохо. Но, может быть, она занята? Или не хочет травить себе душу? Не успела привязаться к ребёнку? Любит до сих пор Карла, и ей больно? Родила другого ребёнка и занята им? Мы не можем ничего знать наверняка, – ответила опытная в семейных разборках Ася.

– Я думаю, что лишать общения отца с ребёнком ни в коем случае нельзя, если он, конечно, не вор, не убийца, не педофил. Ребёнка должна любить не только мать, но и отец. Дети это очень тонко чувствуют. Препятствовать общению – это же делать хуже ребёнку. Кровное родство – могучее чувство, – задумчиво сказала Яна. – Мне нравится Настенька, дочка Карла. Ей сейчас семь лет, она очень умная, красивая и воспитанная девочка. Он назвал дочку русским именем. Занимаются с ребёнком до поздней ночи: верховая езда, танцы, музыка. В подвале замка Штольберг организовал бассейн, чтобы Настя плавала под присмотром тренера. Еще иностранные языки, в первую очередь русский, потом английский, французский...

– Не хотела бы я быть наследницей древнего рода, – засмеялась Ася. – Такой контроль и такие нагрузки – кому это надо? Сколько у нее нянек и преподавателей?

– Много. Но Карл каждый день выделяет часок для общения с ней.

– Ты часто гостишь у него?

– Нет, не очень. В последний раз мы были в Чехии с тобой вместе.

– Да. И я заметила, что Настя привязана к тебе.

– Я к ней тоже. Такая милая девчонка! Ей просто не хватает материнской руки. Няни, воспитательницы – это же совсем другое дело. А ребёнку ласка требуется особенная, доверительная. Знаешь, она как-то спросила меня, почему я не живу в замке вместе с папой. Пришлось выкручиваться. Она же маленькая еще совсем, иногда мне ее жалко до слёз – как не крути, а без мамы она сирота.

– Что ты оправдываешься? Ты не виновата, никто не виноват.

– Виноваты всегда взрослые, если страдает ребёнок, – ответила Яна.

– Согласна. Карл что-то делает не так. Но какая семья, когда нет ни любви, ни простого уважения? Один холодный расчёт.

– Малышка мне доверилась. А значит, и я в ответе за нее, – кивнула Цветкова.

– А ведь ты могла бы выйти за Карла замуж.

– Могла, но это невозможно, – вздохнула Яна.

Брак Яны с Ричардом, хотя они и дали ему второй шанс, уже ничто не могло спасти. Особенности их привычек, вкуса, темперамента – всё не совпадало. Они так и не смогли заново притереться друг к другу, снова начались безнадежные конфликты, жизнь в мире и покое не получилась.

Супруги расстались, но при этом остались очень добрыми друзьями.

Разборок по поводу, с кем останется Вова, не было, как-то само собой сложилось, что мальчик равное количество времени проводил и с мамой, и с папой. Яна доверяла бывшему мужу, как самой себе, и Ричард так же относился к Яне. Мальчику в этом отношении повезло.

После третьего неудачного брака Яна полностью закрыла личную тему для серьезных отношений, и ни одному человеку из ее окружения не удалось ее переубедить. И поговорка «Бог троицу любит» тоже уже не работала. Даже мать признала, что Яна, скорее всего, одинокая волчица, поэтому пусть живёт как может, как знает, как чувствует. Было удивительно, что мать Яны выпустила дочку из-под тотального контроля только в сорок лет. До этого она буквально контролировала почти каждый ее шаг, и Яне приходилось частенько изворачиваться, чтобы не волновать свою впечатлительную мамочку.

Валентина Петровна ужасно расстроилась, что потеряла такого зятя, как Ричард, она как-то сразу поняла, что лучше мужа у ее непутёвой дочери всё равно не будет, потому что и быть не может. И отстала от единственной дочери, поблагодарив судьбу, что хоть та Вовочку родила. И, самое интересное, что благодарила она не Яну, а Ричарда. Дескать, если бы не он, то эта безбашенная не решилась завести ребёнка. Поэтому, спасибо тебе, Ричард! Аллилуйя! Яна уже давно поняла, что они с мамой в особых отношениях. Она, по мнению матери, вообще не оправдала ее надежд. Не стала актрисой, не смогла сохранить семьи. Ничего не смогла.

Яна стала самостоятельной, радовалась жизни уже безо всяких указаний сверху, как сама хотела, занималась ребёнком и бизнесом.

Еще когда Яна жила с Ричардом, она открыла стоматологическую клинику «Белоснежка». Клиника отвечала всем современным стандартам современного медицинского обслуживания, коллектив был сплочённым, дружным, профессиональным. Быстро появилась постоянная клиентура, пациенты стали приходить семьями, рекомендовать друзьям. Клиника процветала. Яна не стала делать сеть клиник, чтобы сохранить качество в одной, понимая, что она не выдающийся коммерсант. Денег на жизнь ей хватало, а большего и не надо было. После развода Ричард материально помогал Яне, хотя она и отказывалась от его помощи. Ричард был друг, на него Яна всегда могла положиться. Яна принимала помощь от бывшего мужа, чтобы только не обидеть его, Ричарду было важно участвовать в воспитании сына.

Шло время, и Ричард снова женился. Его избранницей оказалась очень симпатичная женщина Людмила, с которой он стал счастливым человеком. У них родилась дочь, и Яна перестала терзаться тем обстоятельством, что она дважды могла погубить его жизнь.

Они иногда встречались, ведь им было о чём поговорить – общий ребёнок порой объединяет разведённых супругов крепче якорных цепей. Бывшие супруги наконец-то стали жить, как хотели. Она – свободно, он – с женщиной, которая согрела любовью его семейный очаг.

Яна так бы и жила в счастливом одиночестве, если бы однажды судьба все-таки не решила или отомстить, или наказать, или что-то доказать Яне, порхающей по жизни и по человеческим судьбам лёгким мотыльком. Яна даже представила зрительно ее, эту Судьбу. Это как бы была

женщина чуть старше средних лет, с непростой женской долей. А в тот день, когда она обратила внимание на Цветкову, у Судьбы что-то совсем не заладилось в делах, и вдобавок ко всему еще и началась дикая мигрень.

У Яны отмечался просто какой-то сумасшедший талант постоянно влипать в нелепые ситуации, истории, неприятности. И вот однажды Яну занесло из Москвы в ее любимый, но чужой город Санкт-Петербург. Ее жизни, без шуток, угрожала реальная опасность. К счастью, Яне рекомендовали человека, который смог бы ее защитить. Он давно уже не работал телохранителем, но на просьбу друзей отреагировал. Бывший военный, ныне бизнесмен, Мартин Романович Вейкин лоб в лоб столкнулся с госпожой Цветковой. И в этот момент их жизни поменялись и пошли симметричными кривыми зигзагами. Точно не прямыми. Их бросало из огня да в полымя.

Яна появилась в его доме в не совсем обычном образе. Оборванная, грязная, в костюме ростовой куклы – коровы, у которой вымя было набито наркотиками, но Яна об этом не знала, и выяснилось это позже. Мартину пришлось удерживать ее чуть ли не силой, потому что Яна не привыкла слушаться и подчиняться. Яне сначала он категорически не понравился, наверное, как и она ему, а потом возникло очень сильное чувство. Яна не сразу поняла, что это и есть настоящая любовь, потому что до этого такое чувство не посещало Цветкову ни разу. Она даже подумала, что заболела. Потому что у нее щемило сердце, кружилась голова, дрожали руки, не хватало дыхания, и это были симптомы явно тяжёлого заболевания, если не сказать смертельного.

И все эти симптомы проявлялись, когда Мартин находился рядом, а если он был на расстоянии, становилось еще хуже. Ситуация была безвыходной. Яна не знала, что и Мартин испытывает такие же ощущения, и с ним это тоже впервые, и он тоже растерян.

Мартин был харизматичным, сексуальным, очень общительным и галантным человеком. Уже через минуту разговора с ним девяносто девять процентов женщин попадали под его обаяние. Его энергетика зачаровывала. Он был высок, статен, его густые тёмные волосы отливали медью. Красивой формы нос, и совершенно какие-то театральные, сюрреалистичные веснушки, которые покрывали не только лицо Мартина, но и тело. Больше всего поражали его глаза, они были очень выразительными и переменчивыми, как тропическое небо. Таких глаз Яна ни у кого и никогда не видела. Ясные лучистые глаза обрамляли густые и загнутые ресницы. Ресницы были темными, но кое-где проявлялись рыжеватые реснички, что было удивительно. Когда он улыбался, то на щеках появлялись симпатичные ямочки и он становился неотразим. Мартин был тёплый, большой и добрый, и в то же время сильный и надёжный. Он напоминал медведя, к которому Яне хотелось прижаться. Прильнуть к его большой, мужественной груди и слушать стук верного сердца. Это было счастьем.

Но злодейка-судьба, как мы помним, старая и злобная, с дикой мигренью, так не думала. Не было у нее такого красочного образа перед глазами. И тут уж она приготовила Яне такое, что ни одному нормальному человеку и в голову бы не пришло.

У Мартина был сын Пётр. С его матерью у Мартина случился мимолётный роман, и девушка решила оставить ребёнка, захотев таким образом привязать Мартина к себе. Но у Мартина были другие планы, женитьба в эти планы не вписывалась. Но от ребёнка он не отказался, помогал материально и платил за учёбу сына за границей. Впоследствии Мартин женился. Его жену звали Анастасия и он был с ней счастлив и спокоен. Но горячей любви между ними не было. Мартин женился скорее потому, что решил уступить настоятельным просьбам матери, Стефании Сергеевны, создать семью. Детей у Мартина с Анастасией не случилось, но они по этому поводу не переживали. Через несколько лет в семью пришло горе – Настя разбилась в автоаварии, ее труп сильно обгорел. Мартин долгое время был один, хотя подружек «на час» хватало с избытком, он старался избегать длительных отношений. С первых минут знакомства Мартин сразу же честно говорил своим подружкам, что он нико-

гда больше не женится, что продолжения их отношений не будет, это встреча только на одну ночь. Девушки, конечно, не верили. Каждая считала, что именно она может растопить ледяное сердце Мартина, но увы... Это не удавалось никому, пока...

Пока на горизонте Мартина не появилась Яна Цветкова. Как говорится, «Титаник» налетел на айсберг. Очень своеобразная, ни на кого не похожая, экстравагантная и обворожительная Яна вошла в сердце красавчика, как нож в масло. Их роман был похож на ядерный взрыв – обоих накрыло с головой и закрутило в водовороте такой любовной страсти, что жить друг без друга они уже не могли. Вскоре было принято обоюдное решение – пожениться, но не тут-то было...

Неожиданно появилась Настя, жена Мартина, которую все считали погибшей. Много лет ее истязал в рабстве маньяк. Он работал в морге, где раздобыл женский труп, подбросил его в машину и поджог. Никому даже в голову не пришло проводить генетическую экспертизу. Маньяк оборудовал специальный бункер, где долгие годы держал несчастную женщину. Настя вернулась домой физическим и психическим инвалидом. Единственной ниточкой, связывающей ее разум с этим миром, оставалась любовь к Мартину, своему мужу.

Чувства Мартина и Яны нельзя было передать словами. Мартин не знал, как ему поступить. Яна приняла решение за него и ушла сама. Соревноваться с больной женщиной, которая так сильно нуждалась в поддержке своего законного мужа, она не могла. Но Мартин не мог долго находиться с психически нездоровым человеком. Он принял единственно правильное решение: оформил пожизненное опеку над женой, взял ее на полное содержание и развёлся с ней.

Яна впервые в жизни захотела выйти замуж, она всё время ждала от Мартина предложения. Но разные обстоятельства, мелкие и не очень, постоянно им мешали. Одна сумасшедшая, влюблённая в Мартина уже много лет, решила показать Яне небо в алмазах. Она отравила Яну и Карла Штольберга во время их деловой поездки в Санкт-Петербург на открытие русско-чешского культурного центра. Опьянённая сильнейшим галлюциногеном, Яна думала, что занимается любовью с Мартином, а когда утром пришло прозрение, она была в шоке. Так как Карл очень любил Яну, думал о ней и хотел ее вернуть, то его реальность совпала с его галлюцинацией. Конечно, Яна, будучи сама медиком, поняла, что находилась под действием какого-то наркотического вещества. Они с Карлом сдали кровь на анализ, исследование показало, что оба были отравлены. Яна не знала, как ей рассказать об этом Мартину и сможет ли он правильно понять ее рассказ. Но ночь любви уже была снята на видео и отправлена Мартину. Мартин оправдал ожидания разлучницы. Он отреагировал так, как она и надеялась, и не дал Яне ни единого шанса объясниться. Он напился, познакомился с другой женщиной. Очнулся утром с ней в кровати, абсолютно ничего не помня.

Яна, естественно, тоже расценила это как предательство и отстранилась от Мартина. Она оборвала все контакты с ним, уехала в Чехию, в замок Карла Штольберга, и провела там почти год.

Новая встреча Яны и Мартина произошла на свадьбе ее подруги Аси. Между ними состоялся доверительный разговор, и они поняли, как ловко разлучница обвела их вокруг пальца.

Карл Штольберг в беседе сообщил Мартину, что Яна родила девочку. Он сделал генетический анализ – и оказалось, что Ева не его дочь. Карл предположил, что малышка дочка Мартина.

Мартин увидел девочку и сразу же понял, что Ева его дочь. Малышка была похожа на него как две капли воды. Казалось, что наконец-то ему в жизни повезло и они с Яной обрели друг друга. Ушли все обиды, недоразумения и недопонимания. И уже ничто теперь не омрачит их радостного существования...

Глава вторая

Иван Демидович и Яна встретились на кладбище. Им захотелось поговорить, и чтобы никто не мешал.

– Ты так ему и сказала?! – ахнул Иван Демидович.

Этот большой мужчина с пышной шевелюрой и крупными чертами лица смотрел на Яну Цветкову, свою крестницу, с немым удивлением. Он присутствовал при том, как ее забирали из роддома, нянчил в театре на руках, хотел, чтобы Яна пришла к ним в труппу. Всегда говорил Яне, что она красивая и классная девчонка, сногшибательная девушка, умопомрачительная женщина. Чего-чего, а комплименты этот престарелый бабник умел говорить, он находил подход к каждой женщине.

– Так и сказала. Я хочу, Мартин, поставить в наших отношениях точку. Между нами всё кончено, – повторила Яна.

– Он, наверное, был в шоке? Вы так долго шли друг к другу...

– В шоке Мартин был еще задолго до этого.

Яна мысленно вернулась в Чехию, в фешенебельный отель, куда Мартин перевёз ее с дочкой Евой из замка Карла, чтобы потом увезти в Россию. Накануне шли дожди, было пасмурно и зябко. А потом погода резко изменилась. Тучи унеслись вдаль, и показалось высокое, синее небо. Солнце било в распахнутые окна, а по стенам, отражаясь в стеклах, прыгали солнечные зайчики. Возвращаться в Россию они должны были на частном борту Мартина. Мартин не спускал дочку с рук и всё время поглядывал на Яну, было заметно, что он хочет с ней поговорить о чём-то серьёзном, но не знает, как начать. Наконец он не выдержал:

– Послушай... Я хочу кое о чём спросить тебя...

Яна повернулась к нему.

– Знаешь, я счастлив, что у меня такая чудесная дочурка, я просто на седьмом небе. Но я не понимаю, почему ты не сообщила мне о своей беременности.

– Что ты хочешь услышать? Правду?

– Конечно. Так почему?

– Если честно, Мартин, то я не была уверена, что это твой ребёнок.

– Понимаю. Но ведь теперь всё разрешилось?

– Да. Как только Карл показал результат теста, я словно обрела второе дыхание. У меня даже голова закружилась от счастья.

Мартин обнял ее.

– Я люблю тебя, Янка. И мне всё равно, кто отец ребёнка. Ева всегда была и будет только моей дочерью. Твоей и моей, понимаешь?

Яна прижалась к нему.

– Давай больше никогда-никогда не возвращаться к этому разговору, хорошо? Ева – твоя дочь, и это подтверждено документально, так что нам больше не о чем беспокоиться. – Она взяла со стола бокал шампанского и передала его Мартину. – Давай выпьем за нас. За наше будущее!

– И пусть оно будет безоблачным, как этот день! – добавил Мартин.

Яна подняла свой бокал, и они выпили.

В этот момент раздался стук в дверь.

– Войдите, – сказала Яна.

Дверь номера распахнулась – и на пороге возник Карл Штольберг.

Мартин и Яна молча уставились на князя. Тот прошёлся по номеру, словно внимательно рассматривая обстановку, и остановился перед диваном из мягкой кожи, на котором сидели Яна и Мартин.

– Чем обязан? – спросил Мартин.

Штольберг без лишних слов плюхнулся в кресло. Губы его скривились в недоброй ухмылке.

– Хорошо вам? Воркуете, голубки?

Сразу же стало понятно, что князь не в себе, что он крепко выпил и крайне возбуждён.

– Карл, в чем дело? Почему ты в таком виде? – недовольно спросила Яна и поставила бокал.

– А что в моём виде тебе не по нраву?

– Ты, кажется, нетрезв.

– Ну что ты! Я просто весел. Прости, что ворвался без приглашения. Какие вы красивые! Такая идеальная пара! Вам ведь все так говорят? Тебе, Яна, так идёт глубокий синий цвет. Платье – чудо! Твои большие голубые глаза словно два глубоких озера. А какая у тебя талия! Мартин, у тебя получается обхватить ее талию ладонями? У меня получалось. Эх, давно это было! Ты ее держишь и боишься сломать. А твоих пальцев касаются кончики ее роскошных длинных волос.

– Карл, прекрати! Что на тебя нашло? – Яне стало не по себе.

– На меня нашло много лет назад, ты не почувствовала? Я добивался, ждал, переживал, страдал... Кому до этого было дело? Сбитый лётчик. Был у тебя роман с чешским князем, и что? Был и был... Ты всегда так резко отталкивала меня, особенно, когда в твоей жизни появился Мартин. Но со мной всегда играла злую шутку девушка по имени Надежда. И когда ты пришла ко мне уничтоженная, измотанная, с токсикозом, в тяжёлом моральном расстройстве, я решил, что это награда за все мои страдания. Мне было всё равно, от кого у тебя ребёнок, главное, чтобы мы стали вместе жить. Но всё оказалось не так радужно. Ты пришла словно для того, чтобы поиздеваться надо мной. Живёшь со мной, а страдаешь по другому мужчине. И ничего, совсем ничего я не могу изменить, как бы ни старался. Конечно, я попытался взять себя в руки, я боялся за твою жизнь, за твоё здоровье. Я принял на тот момент единственно правильное решение. Но я ошибся, уступив тебя Мартину. О, как я ошибся! Ты ушла и унесла Еву. Вы покинули мой дом, но не покинули моё сердце. Я постоянно думаю о тебе, Яна, и, поверь, это очень больно...

Яна взмахом руки прервала Карла:

– Я воссоединилась с отцом моего ребёнка. По-моему, это справедливо. Ты ведь не против, Карл, чтобы моя Ева жила с родным отцом?

Карл как-то странно посмотрел на нее и усмехнулся.

– Ты сказала с «родным»? Так почему же ты с Мартином?

Возникла долгая пауза, которую нарушила Яна.

– Что ты хочешь сказать, Карл?

Карл встал с кресла, вскинул голову и спокойно произнёс, чётко выговаривая слова:

– Ева – моя дочь. А я ее отец.

Яна побледнела.

– Объяснись...

– Я подделал тест ДНК, в котором говорилось, что Мартин отец ребёнка. А вот настоящий документ. – И Штольберг протянул Яне бумагу.

Яна дрогнувшей рукой взяла лист с печатью.

– Но зачем, Карл, тебе это было нужно? Зачем этот обман?

– Всё сложно и одновременно просто. Я понял, что свалил дурака и своими собственными руками лишил себя счастья. Я просто исправил собственную ошибку. Ты останешься со мной, я не дам тебе разрешения увезти ребёнка из страны.

– Ну ты и подонок! – Мартин надвинулся на него.

– Не надо, Мартин! Не бери грех на душу! Он же пьян! – остановила его Яна.

– Я не дам разрешения. Ева такая же наследница рода Штольбергов, как и моя старшая дочь Анастасия, – отрезал Карл и спокойно вышел из номера, хлопнув дверью.

– А ведь твой князь на самом деле подонок, – задумался заслуженный артист Головки. – Дать такую надежду Мартину, а потом передумать! Это же с ума сойти можно! Как Мартин его только не убил?

– Думаю, что хотел, – ответила Яна. – У меня был трудный выбор.

– Это не то слово, – кивнул Иван Демидович.

– Если я хочу быть с дочерью, то должна остаться с Карлом. Если выбираю Мартина, то могу уходить хоть сейчас, но Еву я больше не увижу, – опустила голову Цветкова.

– Это подло. Это же шантаж!

– Карл сказал, что в любви все средства хороши!

– Мартин просил тебя уехать с ним? – спросил Иван Демидович.

– Нет. Он поразительно меня чувствует. Ты представляешь, чтобы со мной в тот момент было бы, если бы еще и он начал рвать мне сердце? Выбор – он или ребёнок? Любая мать и адекватная женщина, понятно, кого выберет.

– А я вот не согласен с тобой. Знаю я таких мамаш, которые быстро распихали своих детей по интернатам, бабкам и дедкам при появлении «новых штанов».

– О чем ты говоришь? Я, конечно, не мать года, но как такое может в голову прийти?

– Мартин, думаю, знает, что ты нормальная женщина. И он освободил тебя от этого выбора.

– Ровно так же, как я его когда-то освободила от выбора между мной и его больной женой, чтобы он не чувствовал себя подонком. Судьба словно дала зеркальный ответ, – вздохнула Яна.

– Колесо фортуны, оно на то и колесо, – туманно произнёс артист ТЮЗа.

– Всё против нас. Лучше не спорить с судьбой. Евочку я не брошу, наши жизненные пути с Марином снова разошлись.

– И теперь ты живёшь с Карлом? – спросил Иван Демидович. – Я бы его возненавидел.

– У меня периодически появляются такие мысли, но я стараюсь их гасить на корню, – усмехнулась Яна. – Он же отец Евы. Ребёнок не должен чувствовать ненависть. Я живу в его замке, всё время занята своим ангелочком, думаю только о ней.

– Ты живёшь с ним? – понизил голос Иван Демидович. – Ты же знаешь, мне можно доверять.

– Знаю, ты мне как родственник. Я живу у Карла, но не с ним. Мы давно чужие, и в этом плане ничего уже не изменить.

– А его такое положение устраивает?

– Не думаю. Он постоянно подчёркивает, что мы – семья. Карл с меня пылинки сдувает, мне ни в чём нет отказа. Он же понимает, чего я лишилась. У него же есть глаза, он же видит, что моё сердце принадлежит другому.

– Но ведь это же ужасно больно. Тебе Карла не жаль? – прищурил карие глаза Иван Демидович.

– Ну почему не жаль? Жаль, конечно. Но от меня ничего не зависит, – опустила голову Яна.

– А что же Мартин?

– Я больше не думаю о нём. Знаешь, Иван Демидович, у человеческой психики, наверное, есть предел. Я имею в виду, у нормальной психики. Всякие маньяки и сумасшедшие, они, конечно, беспредельны. А здоровая психика ставит заслон, чтобы остаться здоровой, не сойти с ума. Я поняла, что у нас безвыходная ситуация, и больше ничего не хочу. Я отпустила Мартина. Пусть он будет счастлив. Ведь он тоже хотел ребёнка...

– Ты сможешь родить ему еще, вашего совместного.

– Нет, Иван Демидович, нет, – покачала головой Яна. – Ева ведь тоже не планировалась. Такой вот дар свыше. Но я так тяжело ходила, возникли осложнения, я еле выжила. Врачи спасли меня и сообщили, что матерью я больше стать не смогу. Я не подхожу Мартину, я ему ничего не смогу дать, не осуществляю его мечту. Я – пустоцвет. Он уже и так потратил на меня часть своей жизни. Хотя у мужчин есть какой-то запас времени, их биологические часы тикают значительно медленнее. Мартин потрясающий человек... Он обязательно встретит женщину, которая ему родит и с которой он будет счастлив. Ты знаешь, Иван Демидович, когда я бросила Ричарда, я очень переживала за него: аж два раза я его наказала ни за что. А когда он встретил свою Людмилу, я испытала настоящие радость и счастье за него! Честно!

Иван Демидович удивлённо посмотрел на нее.

– Ты серьёзно? Ты станешь счастливой, если Мартин найдёт себе женщину? Что ты молчишь? Яна! А почему у тебя на глаза навернулись слезы?

– Но когда Ричард нашел, я же была счастлива...

– Ты уверена, что ты его любила? Ты сама ушла от него, – возразил ей Иван Демидович.

– Сейчас я тоже ушла.

– Тебя поставили в такие условия, что ты была вынуждена уйти, это разные вещи. С ума сойти! Я всегда думал, что ты точно выйдешь замуж за принца. Что тебе вот точно должно повезти. Ты добрая и яркая, бог не мог этого не заметить.

– Особенно, если учесть, что он всех нас и создал, – хмыкнула Яна.

– Точно! Этот день для бога, когда он создавал тебя, был явно особым. Знаешь, не обычная рутинная работа, скорее, это был праздничный выходной день. Все были веселы, счастливы, свободны, – задумался Иван Демидович.

– Скорее всего, в этот день сделали Мартина, – ответила Яна. – А меня, когда шла гроза. Так и штормит всю жизнь.

– И никогда не знаешь, когда шарахнет молния? – спросил Иван Демидович, в глазах его загорелись весёлые искорки.

– Это точно. Нет, один раз шарахнула, когда я Мартина встретила. Эффект был не менее сильный, чем от молнии, а, может, даже и больше.

– Мартин... Мартин... Только и слышу от тебя. Ну что ж, давай выпьем за него, что ли? – предложил Иван Демидович.

– А давай. Я всё равно грудью не кормлю, – согласилась Яна. Ее дочке, Евочке, к тому времени исполнилось шесть месяцев.

– Чин-чин! – поднял пластиковый стаканчик Иван Демидович.

– А что здесь происходит?! В чем дело?! Вы чего тут расселись-то на нашей могиле?! – раздался вдруг разгневанный мужской голос.

Головка обернулся.

– Да нам ваша могила совсем не нужна! Мы тут просто день рождения празднуем, – совершенно искренне ответил Иван Демидович, вставая со скамейки, широко разводя руки и улыбаясь. – А хотите, я вам стихи читаю?

Глава третья

– Я вот вижу, что ты женщина состоятельная. – Старая цыганка в пёстрой одежде окинула взглядом худую высокую Яну, которая понуро сидела на затёртой скамейке в «обезьяннике».

– Я? Ну да, не из бедных, – хлюпнула носом Яна. Ее красивое коралловое платье на бретельках из-за грязи выглядело как подпорченный абрикос, а со спины оно еще было и рваное, словно надкусанное.

– Свободу мне, свободу! – пропел оперным голосом Иван Демидович, который был не только потрёпанным, но еще и избитым. Распухший нос, ссадина на щеке и фингал под глазом делали его облик весьма колоритным.

– Вот это голос! – Цыганка переключила свое внимание на Головка. – Прямо как у священника!

– Он актёр, голос у него, действительно, поставленный, – откликнулась Яна.

– Видный мужчина. – Цыганка еще раз окинула Ивана Демидовича цепким взглядом. – Чувствуется порода. Кто же это вас так отметелил?

– Нашлись божьи люди, – ответил Иван Демидович.

Цыганка, улыбаясь во весь свой фарфор, взяла руку Яны и уставилась на ее ладонь.

– У меня наличных нет, всё на карте, и вещи забрали, – сразу же предупредила ее Яна.

– Я из профессионального любопытства, – не отдавала ей руку цыганка. – Вот это линия жизни! Редко такую вижу.

– Она вообще редкая женщина, – хихикнул Иван Демидович.

– Вся ладонь исчерчена. Такое впечатление, что просто ни дня без событий! Поразительно! Линия любви, линия любви... Что с ней? Почему она напоминает самую страшную молнию на небе в судную ночь?

– Вы сейчас меня пугаете, – вздрогнула Яна.

– Правда ваша, – кивнул Иван Демидович. – Жизнь Яны – сплошная карусель.

– А вот тут пульсирующая точка. – Цыганка нажала на ладонь, и Яна вскрикнула. – Любовь твоя... единственная, – пояснила гадалка.

– Мы будем вместе? – спросила Яна.

Цыганка стрельнула глазами в сторону Ивана Демидовича.

– Большая точка у тебя, голубка!

– Подтверждаю! Ни разу не видел больше препятствий у людей на пути друг к другу. А вот у меня всё легко по жизни складывалось, – похвастался Иван Демидович.

– Это ты думаешь, что у тебя всё легко. На самом деле это не так, живёшь в самообмане. Но вот судьба этой женщины меня больше волнует, – качнула серьгами старая цыганка. – Не совпадает твоя линия любви с твоей любовью. Не соединены они. А другой любви в жизни не вижу. Двое детей у тебя.

– Верно. Как же это не соединены? Как же так? Что, совсем? – испугалась Яна.

– А я думал, что ты уже смирилась с жизнью с князем. Чего ты так всполошилась? И так понятно, что не быть вам вместе. Цыганка только что это подтвердила, – потрогал бланш под глазом Иван Демидович.

– А я думала, что ты добрее. Я же надеялась и верила, а надежда умирает, как известно, последней, – ответила Яна.

– А я реалист! Мне надоела ваша история! Валентина, мать твоя, глаза выплакала, ты ходишь, как сомнамбула, а ведь столько энергии было! Тебе даже вот незнакомый человек говорит, что не соприкасаются ваши пути. Ну что тебе еще надо? Чтобы сам бог пришёл, постучался к тебе и сказал, что не твоё это? Ты живёшь в замке с таким красавцем. У вас чудо-дочка,

живите и радуйтесь! Чего вам еще требуется? Вот я на старости-то, извините, понял, что семья, а особенно детки, не помешали бы мне. А бабы, жены... – махнул рукой Иван Демидович.

– И это говорит человек, который никогда не был женат, – покачала головой гадалка. – Бабы и жены – это разные вещи.

– А ты откуда знаешь, что я женат не был? – удивился Иван Демидович.

– Так видно, милоч! Видно!

– То, что у меня нет ни стыда ни совести, это все мои женщины мне не раз говорили, а вот как ты увидела, что я официально не женился? – усмехнулся Иван Демидович.

– Скажите, как мне эту точку приблизить к своей линии любви? – Яна дёрнула цыганку за рукав.

– Да откуда же я знаю? Судьба у тебя такая, мученическая. Чего тут поделаешь?

– Говорю тебе – не судьба! Всё у тебя будет хорошо. Ты – счастливая женщина, живёшь в роскоши, с миллиардером, с красавцем, – встрял Головко.

– Вот сам бы и жил! – огрызнулась Яна.

– Нет, она несчастна, – не согласилась с Головко цыганка.

– А вы здесь за что? – спросила Цветкова.

– Дамочка одна поклёп на меня навела, что я ей больно на большую сумму нагадала. Что загипнотизировала я ее, ворвалась в душу и сердце и отобрала денежки, – вздохнула цыганка.

– Я вам обязательно заплачу за гадание, только выйти отсюда надо, – ответила Яна, окинув взглядом «обезьянник», куда ее и Головко привели после кладбища.

– Я не сомневаюсь. Мне кажется, что пути наши еще пересекутся. Меня, если что, Ладой зовут, меня в посёлке Горохове каждый знает, да у Триумфального парка наших, таборных, всегда можешь встретить. Там кафе, театр цыганский и прекрасная атмосфера. Приглашаю вас, – снова стрельнула она глазами в сторону Ивана Демидовича.

– Я бы с удовольствием! Я в душе цыган, – вздохнул он.

– Цыгане – не «перекати-поле», как ты думаешь, они семейные люди, придерживаются традиций, – отрезала Лада.

– Цветкова, Головко на выход! – скомандовал строгий голос.

Яна с Иваном вышли из-за решётки в коридор, их провели в небольшую комнату. Комната была квадратная, стол – квадратный, стулья – квадратные, и даже следователь Пётр Иванович Ольшанский в строгом, сером костюме показался Яне квадратным.

Увидев его, Яна возликовала и кинулась ему на шею.

– Петя! Ты мой звонок, что положен каждому задержанному! Как хорошо, что я не просчиталась! Как хорошо, что ты откликнулся!

– Полегче, – засмутился следователь. – Я тебе верность не хранил, я женился, – пошутил он.

– Поздравляю! Рада за тебя! – восхитилась Цветкова.

– Ты просто непробиваемая женщина! Ни тени сожаления о содеянном. Не притворяйся, я тебе всегда нужен только по делу. Куда мне против Мартина? Скажи, Яна, а у тебя в каждом городе есть знакомый следователь? Так, на всякий случай...

– Нет, не в каждом. А вот здесь есть, хорошо, что Мартин познакомил нас с тобой.

– Садитесь и рассказывайте, что произошло, – хмуро сказал Пётр Иванович, отстраняя Яну.

– Да ничего особенного, гражданин начальник... – начал было Иван Демидович, сев на стул.

– Иван Демидович, можно я расскажу? – решительно перебила его Яна. – Я долгое время жила в Чехии, а недавно я и Карл Штольберг приехали в Санкт-Петербург. У него дела в Русско-чешском культурном центре.

– Я ушам своим не верю! – не выдержал Пётр Иванович. – Ты говоришь, что приехала с семьёй? Ты серьёзно?! Яна! Янка, ты помнишь, как мы тусили на Неве, где я тебе сделал предложение и разбил витрину с пирожными? Да, всё! Каюсь! Сейчас я женат, я другой человек, – поднял руки следовательно, словно сдаваясь. – Но что стало с тобой? Ау! Ты где? Я тебя не узнаю! Где та лёгкая на подъём свободная женщина, выглядевшая на десять лет моложе? От тебя исходила просто опьяняющая аура. Ты серьёзно променяла Мартина на какого-то князя? Ты – первая женщина, которая сама бросила Мартина. Мартин – самый потрясающий человек, которого я знал. Если он еще не купил себе замок, так только потому, что он, как богатый бизнесмен, половину своего дохода тратит на благотворительность. Да если бы не это, он твоего князя давно бы уделал! Яна, зачем тебе иностранец?

Яна слушала Петра Ивановича, и ее сердце разрывалось от каждого слова.

– Ты знаешь, что Мартин – герой России? – продолжал Ольшанский. – Не знаешь за что? А я знаю, что двадцать парней вернулись в часть, а он один остался как командир за них в плену. Нам с тобой лучше не знать, что там с ним делали. От одного только его взгляда женщины млеют и сдают свои позиции. Я, конечно, тоже тогда приударил за тобой, но понимал, что шансы у меня нулевые. С другой стороны, я понимал, что ничего в этом мире не бывает просто так. Я видел, как горят ваши глаза, когда вы вместе, и понимал, что Мартину пришло вознаграждение за все его страдания. К нему пришла любовь в твоём лице. Вы оба это заслужили, и я отступил. Но что я вижу сейчас? Ты променяла его, Яна?

– Ты ничего не знаешь. Я ни на кого бы Мартина не променяла и не предала его. Есть обстоятельства, что сильнее нас, понимаешь?

– И любви? – уточнил Пётр Иванович.

– Не поверишь, и любви. Она-то не исчезнет бесследно, она и умрёт со мной. Просто я сделала выбор между маленькой девочкой и мужчиной, который и не такое выдержит.

– Эй, ребята, Заканчивайте вечер воспоминаний! Нас пора вызвolyть из кутузки! – активизировался Иван Демидович.

– А это мы еще посмотрим на ваше поведение, – пробурчал Пётр Иванович, бросив суровый взгляд на Ивана Демидовича. – Это еще что за артист?

– Так я и есть артист! – бархатно рассмеялся Головко.

– Знаю я вас, гастролёров...

Яна вступилась за Ивана Демидовича, пояснив следователю, кто он и кем для нее является.

– О'кей. Всё равно сомнительная компания. Продолжай, Яна.

– Мы с Карлом посетили Санкт-Петербург... Ты же знаешь, Питер – мой любимый город, с ним связано столько воспоминаний. В культурный центр как раз приехала наша труппа из ТЮЗа с постановкой по русским народным сказкам. Я обрадовалась, давно их не видела и вот выбралась к ним на встречу. Ивана Демидовича в очередной раз отстранили от спектакля за употребление алкоголя.

– Как торжественно сказано! Какого там алкоголя? Выпил пятьдесят граммов в свой-то день рождения! – возмутился Иван Демидович.

– Я сколько тебя знаю, у тебя каждую неделю день рождения! – воскликнула Яна.

Следователь перевёл взгляд с Яны на Ивана Демидовича:

– Так когда у вас день рождения, гражданин Головко?

Иван Демидович гордо держал мхатовскую паузу.

– Я могу и в паспорте посмотреть. Так когда? – настаивал следователь.

– Не знаю я, – вздохнул Иван Демидович. – И паспорт мой вам не поможет. Там указана дата, когда меня младенцем нашли на улице, в корзинке, аккуратно завернутого в красивое кружевное белье. Я детдомовский, и когда родился никто не знает.

Яна впервые услышала это от старого артиста.

– Вы... ты детдомовский? Я не знала.

– А зачем тебе это знать? К чему?

– И это позволяет вам употреблять спиртное каждый день? – уточнил Ольшанский.

– Точно! Ведь каждый день может оказаться днём рождения, – согласился Иван Демидович.

– Только слаще он не будет, – ответил следователь.

– А вдруг? – вздохнул артист.

– Так вот... – продолжила Яна. – Я встретила Ивана Демидовича в жутком депрессивном состоянии и решила его поддержать.

– Это у него депрессивное состояние? – удивился следователь. – Что же бывает, когда он бодр и весел?

– Не надо говорить обо мне в третьем лице. Лучше не знать меня, когда я бодр и весел. Всё равно не поймёте. Не умеете вы жить и веселиться одновременно.

– Ладно, Яна, продолжай. Ты нашла этого господина в депрессивном состоянии и решила его развеселить, так? Поэтому вы купили шампанское, цветы, шарик и поехали не куда-нибудь, а на кладбище? Я где-то разминусь с логикой? Помогите мне, ребята, – попросил Пётр Иванович.

– Это я виноват, – вызвался Иван Демидович. – Я как раз видел, что Яна хандрит, хоть она и с князем, хоть она и живёт в замке. Просто не узнать. Словно узница замка Иф предстала предо мной, если подумать, что в темницу засадили женщину, а не мужчину. Ну, я и продолжил свой день рождения, а Янка составила мне компанию. Мы купили закусочку, шампанского, воздушные шарик – это уже была инициатива самой Яны, – и отправились на природу. Хотели, знаете ли, развеяться, подышать свежим воздухом.

– На погосте? – уточнил следователь.

– Так получилось, – смутился Иван Демидович. – Я растрогался, даже всплакнул, вспомнил про женщину, что у меня была в Питере, по тем временам – Ленинграде. Эх, какая пора была, и какая женщина! Умерла, то есть погибла скоропостижно. Вот и решил ее навестить, – пояснил Иван Демидович. – Ну а дальше? Дальше можете считать меня подонком, как всегда. Я понял, что женщин в Ленинграде у меня была уйма, как и в любом другом городе. Каждые гастроли, а их было много – одна женщина, а то и не одна... Я сообразил, что не помню, какое конкретно кладбище, где могила. Но запал-то уже пошёл. Выпить и закусить уже надо было. А чем кладбище, куда мы приехали, не место? Стоило только найти хороший столик и скамейку. Тихо, спокойно и уютно.

– Ага! И украсить ограду шариками? – возмутился следователь.

– А что? В руке их всё время держать? Купили же уже, – с достоинством объяснил заслуженный артист. – Привязали к оградке шарик, сели. Никого не трогали. Да, у могилки! Но мы даже не знали, у чьей.

– А тут родственники? – продолжил за него Пётр Иванович, словно подбадривая рассказчика.

– Да! Два бугая и баба, извините, женщина – безутешная вдова. Скажу вам прямо – от удивленного они просто ошарашены, рты открыли. «А что вы тут делаете?» – произнёс он чужим голосом, пародируя пришедших.

– Не так было! – встряла Яна. – Они спросили: «Что вы делаете на нашей могиле?» На что Иван Демидович...

– Да просто Ваня, – махнул рукой артист.

– Ваня сказал, что нам, в принципе, плевать на их могилу, что на ней сухо и прибрано, и хороший столик со скамейкой, и что мы тут празднуем день рождения.

– Понятно. Значит, говорите, плевать? Славно... Ну, а дальше что? – ухмыльнулся Пётр Иванович.

– А чего это вам понятно? – встал в позу Иван Демидович. – Они набросились на нас, отметили. Яну-то за что? Это я ее туда притащил. Она – хрупкая женщина.

– Ну, набросились они на Головки, как на более сильное и главное звено нашей бандитской ячейки, я потом сама вступила в бой. А как я могла не вступить? Они бы его прибили. А мы все-таки вместе пришли. Сама тоже получила, – пригорюнилась Яна.

– Да! И вот я хочу спросить: а что, собственно говоря, мы здесь делаем?! – трагически возвысил голос Иван Демидович. – Мы первые не нападали, никого не трогали. Нас избили, нас же еще и за решётку?

– Вам шьют осквернение мест захоронения, за это, между прочим, установлена уголовная ответственность.

– Какая уголовная ответственность?! – еще больше возмутился Иван Демидович, и его голос напомнил рык медведя в клетке, то есть в этой квадратной комнате без окон. – Что мы сделали? Покажите мне фотографии вскрытой могилы, сломанного столика, испачканного памятника и повреждённой ограды!

– Хорошо, – спокойно ответил следователь и достал из папки фотографии. – Вот вскрытая могила, испачканный памятник, сломанный столик... Эй, ребята, что с вашими лицами?

– Жесть, – протянула Яна. – Мы этого не делали. Клянусь тебе, Пётр. Мы тихо-мирно сидели на скамеечке. Пили-закусывали. Над нами спокойненько покачивались воздушные шарик. Умиротворяющая картина, поверь мне. А нас за это взашей... О каких сокрушительных изменениях и повреждениях идёт речь?

– Господи, мы этого не делали! Разве мы на это способны? Мы же интеллигентные люди, – схватился за голову Иван Демидович. – У меня даже голова разболелась, давление поднялось!

– Я не адвокат, не прокурор, и вам верю, но убедить следствие, что это сделали не вы, будет очень сложно, вернее, невозможно. А кто еще? Родственникам это зачем делать? Это же кощунственно! А на могиле остались бутылка, одноразовые тарелки, и везде ваши отпечатки.

– Так мы и не скрываем, что мы там пили и ели, но мы ничего не крушили! – пошла красными пятнами Яна. – Петя, поверь! Ну мы же не вандалы какие-нибудь! Мы приличные люди!

– Верю, не верю, здесь это не прокатывает! Кто тогда это сделал?

– Это вы нас спрашиваете? – удивился Иван Демидович. – Мы с Яной не работаем в полиции. Это ваша работа. Или легче схватить первых попавшихся?

– В этом случае действительно легче схватить первых попавшихся. Были бы вы нормальными людьми, вы бы не попали в такую идиотскую ситуацию. День рождения на кладбище! Класс! Кто вам поверит? А я вот верю! Потому что знаю Яну Цветкову, с ней всегда так. Доказать вашу непричастность к вандализму на кладбище можно только определив, кто это сделал. А определить это невозможно. Камер там нет, и самыми подозрительными людьми на этом кладбище были вы, никто и искать не будет.

– Что же делать? – задрожала Яна.

– Вам придётся заплатить штраф за вандализм, найти хорошего адвоката и молиться вместе с ним, чтобы не сесть. А до суда я вытаску вас под залог. Он не будет сильно большим, но и маленьким он тоже не будет. Яна, к кому обратишься, к Мартину? Думаю, что по старой памяти он не откажет. Шучу. Он, вообще, такой человек, что не откажет. Или к отцу твоей дочери? – спросил следователь.

– Нет-нет! Только не к ним! Петя, пообещай, что они ничего не узнают! Пожалуйста! Ни в коем случае! – воскликнула Яна. – У меня есть собственные деньги. Ты пока внеси залог, а я тебе потом отдам деньги, и за Ивана Демидовича тоже.

– Зачем ты так со мной? – смутился заслуженный артист. – Я всю жизнь работал и на корпоративах калымил тоже. У меня и свои сбережения есть. Я же притащил тебя туда, сам и отвечаю.

– Разберёмся, главное – выйти отсюда, – отмахнулась Яна. – И еще, Петечка, узнай, за что задержали цыганку, которая с нами в камере сидела. Ее зовут Лада.

– Лада-Сэра-Эсмеральда? Зачем тебе и за нее хлопотать? Еще кого-нибудь хочешь вытащить из камеры?

– Нет, помоги освободить только ее. Хорошая женщина и не врёт, когда гадает. Правду говорит, – Яна посмотрела на свою ладонь, словно там еще читалось предсказание.

– Обычная мошенница. Ну ладно! Узнаю. Твои деньги, хозяин – барин, – кивнул Ольшанский.

– Петенька, только можно побыстрее? Не хочется ночевать в тюрьме, – попросила Яна.

– Сделаю всё, что могу, – встал следователь.

– Петя... – прошептала она.

– Что?

– Вопрос один еще, личный, можно? Не знаешь, как там Мартин?

– А сама позвонить не хочешь? Работает, живёт. Занятой человек. Я редко пересекаюсь с ним. Несколько раз обедал у него. Я знаю, о чем ты хочешь спросить. Я не держал свечку, Яна. Мы не настолько с ним близки, но если у меня в жизни будет патовая ситуация, то я позвоню ему первому. Мартин такой парень, которому позвонят все, и он всё для всех сделает. Большой души человек, – задумчиво сказал Ольшанский.

– Ты сейчас мне душу рвёшь.

– Однажды в ресторане я встретил его с девушкой, по-моему, с его прежней пассией. Дама безумной красоты и таланта, скажу я вам, зовут Ольга Федосеенко – звезда балета. Вернулись ли они к своим близким отношениям или просто обедали как друзья, я не знаю, но... Ты серьёзно, Яна? Чтобы такой мужчина, как Мартин, был один? Все женщины поголовно обращают на него внимание. Он же неотразим. Ты чего от него хочешь? Чтобы он в монастырь ушёл?

– Не наезжайте на нее, – вступился Иван Демидович.

– Ребята, идите вы... в камеру!

Головко побледнел. Следователь улыбнулся.

– Я пошутил. Вот вам подписка о невыезде. Внесите залог и катитесь колбаской.

Яна облегчённо вздохнула.

– Спасибо, Петя. А что с цыганкой?

– Думаю, что ее тоже можно отпустить под залог. Но это завтра. Прощайте, господа!

Яна и Головко покинули мрачное помещение.

Глава четвертая

– Вот наконец-то дух свободы! Вышел на волю узник подземелья! – затянул на всю улицу зычным голосом Иван Демидович. Он повернулся к Яне. – Ты сейчас куда?

Яна качнула головой.

– Думаю, что нам по пути, – ответила она. – Едем в русско-чешский культурный центр. Меня, наверное, Карл уже потерял. Он остался с Евой и няней. У нас в отеле при центре пятикомнатный люкс. Если мне не изменяет память, ваша труппа тоже там живёт.

– Верно, – кивнул старый актёр. – Весь наш серпентарий там разместился. А вы только с няней прибыли?

– Нет, конечно. Еще с нами водитель и охранник. Их номер рядом с нашими апартаментами. Ясмينا – няня Евочки, находится при девочке неотлучно. Она наполовину русская, наполовину полька. Хорошая женщина.

– Так ты к своему вурдалаку? – уточнил Головко.

– Я к своей дочери. Сейчас вызову такси, – ответила Яна и вытащила телефон.

– Хорошо. Вместе набедокурили, вместе попали за решётку и вместе едем в отель.

– Очень хорошо! – передразнила Яна. – Что тут хорошего?

Около них остановилось такси. Головко галантно распахнул перед Яной дверцу.

– Прошу вас, миледи.

Яна строго взглянула на него и села на заднее сиденье. Старый актёр уселся рядом.

– Да, понимаю тебя, – не отставал Головко. – Если бы я узнал, что у моей любимой появился возлюбленный, я бы тоже с ума сошёл. Знойная женщина! Я бы на твоём месте уже начал бы комплексовать.

– Ты что несёшь? О чём ты? – не поняла Яна.

Иван Демидович доверительно накрыл ее ладонь своей ладонью.

– Я всё понимаю, Яночка! Ольга Федосеенко – это красotka каких поискать. Можно сказать – фея! Богиня – одним словом. Вот зуб даю – не вру!

Яна повернулась к нему и испепелила взглядом. Иван Демидович втянул голову в плечи. Глаза Яны полыхали таким огнём, что старый актёр понял – ему несдобровать! А Яна просто тряслась от злости. Этот старых трухлявый пень посмел предположить, что она, Яна, уже вышла в тираж и ее может заменить любая уличная профурсетка! Да, небось эта балерунка лет на десять ее моложе, но это еще ни о чём не говорит! Она покажет этой стерве Федосеенко на что способна женщина с затронутым самолюбием. Да если бы не ее годы, да двое детей в придачу... Эта тля увидела бы небо в алмазах, она бы ей космы-то повыдергала...

– Яна, Яна, Яночка, что с тобой! Господи! Не пугай меня!

Яна открыла глаза и увидела склонившегося над ней в тревоге Головко.

– Очнись, пожалуйста! Слава тебе, святая Мария, глаза открыла!

– Что со мной? – спросила Яна с хрипотцой изменившимся голосом.

– Так ты отъехала. То есть буквально на пару минут потеряла сознание. Это я виноват! Извини, Яна, я не хотел! Какая ты чувствительная.

– У вас там всё нормально? Может, в больницу? – поинтересовался таксист, не оборачиваясь.

– У нас всё прекрасно, – пришла в себя Яна. – Откуда ты ее знаешь?

– Кого, золотая моя?

– Да эту Федосеенко!

– Ты же знаешь, что я любитель красивых женщин. И мимо такой примы я пройти не мог. Я побывал на ее спектакле. Ей сейчас тридцать пять лет, но какая форма! Возраст, конечно, для балерины пенсионный, но Федосеенко сейчас просто меньше стала выступать, танцует пару-

тройку спектаклей в месяц. Я послал ей букет и попытался проникнуть к ней в гримёрку. Ты меня знаешь, я просочусь куда угодно, но ни мое природное обаяние, ни деньги – ничего не помогло. У служебного входа ее встречал Мартин. Конечно, зачем ей старый клоун, если есть такой мачо? Я ее понимаю.

Таксист посмотрел на своих пассажиров с каким-то странным выражением лица. Пассажиры его явно заинтересовали.

Старый актёр словно почувствовал его взгляд и обратился к нему:

– А вы знаете вашу питерскую звезду балета Ольгу Федосеенко? – спросил Иван Демидович.

– Я, уважаемый, по театрам-то не хожу, некогда мне, – ответил водитель.

– Много потеряли! – хмыкнул Иван Демидович, но, посмотрев на Яну, взял себя в руки и сменил выражение лица на более сдержанное.

– Я бы тоже хотела на нее взглянуть, – неожиданно сказала Яна.

– Тебе зачем? Не выдумывай!

– Говоришь, два спектакля в месяц?

– Ну, примерно. Она хозяйка кабаре, очень популярное место. Представь: гламурная обстановка, игривые жизнерадостные девицы, такая, понимаешь, откровенная и весьма соблазнительная женственность, яркий артистизм. А ведь всё это как раз то, что заставляет учащённо биться мужские сердца.

– Стриптиз есть? – спросил таксист, давая понять, что и он участвует в их разговоре.

– Стриптиз, молодой человек, вам предложат в самом завалищем ночном клубе. А здесь – канкан! Знаете, что это такое? Раньше этот танец считался почти непристойным. Сейчас это кажется немного смешным, но волшебное действие с высоким подниманием ног, прыжками вниз головой и умопомрачительными шпагатами приводит зрителей в неопиcуемый восторг. Демонстрация женских прелестей во все времена во время исполнения канкана считается потрясающе смелой и откровенной, да-с! Это высокое искусство!

– Вы меня заинтриговали.

– Да вы только представьте: дамы в артистических нарядах для танцев. Блеск бисера, бахромы, корсеты с кружевами, невесомые боа, розочки из органзы, ткани из восемнадцатого века, а чулочки в сеточку! Это же феерия! Магия!

– Чулочки в сеточку? Я бы посмотрел... – задумался таксист.

Но он не успел договорить, как все почувствовали сильный удар и услышали громкий звук.

«Это конец!» – только и успела подумать Цветкова, поняв, что они попали в аварию.

Глава пятая

Яна и Иван Демидович сидели на лавочке перед травматологическим отделением.

– Не много ли происшествий за один день? Я раньше думал, что это я такой джокер, который все время во что-то влипает. Но смотрю на тебя, Цветкова, и понимаю, что ты даже меня переплюнула! – покосился на Яну Иван Демидович.

Таксист не справился с управлением и врезался в столб прямо на пешеходном переходе. Прохожие успели отскочить, к счастью, никто из пешеходов не пострадал. У таксиста была сломана рука, Яна отделалась синяками на худосочных рёбрах от ремня безопасности и болью в шее от подвывихнутого позвонка. Больше всех пострадала театральная звезда – Иван Демидович. Почему-то его ремень безопасности растянулся, видимо, не выдержав грузного тела, или просто пристегивающий механизм был испорчен, и Иван Демидович ударился головой, получив ссадину на лбу, фингал под глазом и сотрясение мозга. Им оказали медицинскую помощь. Водителя оставили в больнице, Ивану Демидовичу тоже предложили, но он отказался.

– А таксист-то не очень хорошим человеком оказался, – то ли спросил, то ли констатировал Иван Демидович.

– Это ты о том, что он пытался свалить на нас вину за аварию? – улыбнулась Цветкова. – «Они так красочно и живописно рассказывали про соблазнительных девушек, которые танцуют в перьях и чулках, что я сильно возбуждился, занервничал и отвлёкся от дороги», – спародировала таксиста Яна.

– Точно! Конечно, мы, артисты, можем сделать с публикой всё, что захотим! – засмеялся Иван Демидович. – Хорошо, что нет такой статьи, по которой пассажиров такси можно было бы обвинить в аварии. А то мы бы сейчас опять поехали к цыганке. Я имею в виду не в табор, а в полицейский участок, в «обезьянник».

– Петру я больше не позвоню, – задумалась Цветкова. – Он что-то холодно смотрел на нас. Наверное, пакует вещи и едет с женой отдыхать. Прячется от меня, чтобы я его больше не дёрнула.

– А я думаю, что он по другому поводу расстроился. Ему не понравилось, что ты никак не отреагировала на новость, что он женился. Наверное, ты должна была расстроиться, заревновать.

Яна посмотрела на Ивана Демидовича и рассмеялась.

– Видел бы ты себя со стороны! Раненый генерал!

– Я не просил медсестру наматывать на голову бинты. Я похож на раненого Щорса, «голова обвязана, кровь на рукаве», – раскатисто пропел Иван Демидович.

– Тихо! А то еще за нарушение общественного порядка заметут.

– А ты серьёзно хочешь в это кабаре? Шока у тебя не будет? Зрелище-то в основном для мужчин, – поинтересовался артист.

– Я бы рискнула.

– Кабаре-бар «Кокон», я могу составить тебе компанию, – предложил свои услуги сопровождения Головки, но ответа не получил, потому что оба вздрогнули от визга тормозов.

– О, это за тобой, наверное, – только и успел сказать Иван Демидович.

Из роскошного черного лимузина выскочил высокий мужчина, по виду аристократ. Его светло-русые волосы находились в творческом беспорядке, а карие глаза горели в ночи.

– Мне кажется, девонька, это твой князь.

Штольберг подлетел к сидящим на скамейке.

– Яна! Да как же так можно?! Ты нормальный человек?! Ты что, опять? Ты пила? – Он бросил взгляд на Головки, растрёпанного, с бланшем под глазом. – Ты предпочитаешь моё общество какому-то бомжу?! – взвизгнул он, схватил Яну за руку и силой потащил к машине.

– Э-э, полегче! – напрягся Иван Демидович.

– Карл, ты что себе позволяешь?! Это же Иван Демидович – заслуженный артист! Мой друг! – упиралась Цветкова.

Но Карл не слушал ее, впихнул в машину, хлопнул дверцей и скомандовал:

– В отель.

Водитель нажал на газ.

Штольберг повернулся к Яне.

– Много же вокруг тебя артистов вьётся!

– Что ты себе позволяешь? – возмутилась Яна.

– Ты живёшь со мной, поэтому води себя подобающе! Я не могу рисковать своей репутацией.

– Ты оставил Ивана Демидовича одного, у больницы. Человек вдвое старше тебя, получил травмы. Мы могли бы его подвезти.

– Не барин. Может вызвать такси. Я извинюсь перед твоим Иваном Демидовичем, но мне неприятно, что ты вечно где-то ходишь, с кем-то встречаешься, не поставив меня в известность. У тебя странные знакомые. Я бы не советовал тебе быть такой неразборчивой.

– Статус не позволяет? – усмехнулась Яна.

– Думай как хочешь. Ты же отлыниваешь от светской жизни.

– Уволь меня, пожалуйста, от этой кучи улыбочивых гиен, которые мило воркуют с тобой, а сами только и думают, как впиться зубами тебе в горло. Твои светские приёмы – это кошмар! Это ужас, Карл! Ведь все собравшиеся, как правило, люто ненавидят друг друга, и с удовольствием добавили бы из старинного перстня в бокал с дорогим вином смертельный яд.

– Не утрируй!

– А ты считайся с моим мнением! Я не твоя собственность, Карл!

– У нас ребёнок!

– И что? Думаешь, я забыла? Я только это и помню! Если бы не Ева...

– Я настолько противен тебе? Яна! Я же всё делаю для тебя. Любой каприз, любое желание. Захотела ты русскую няню – пожалуйста! Теперь у нас еще и Лидия Николаевна с такими рекомендациями, что ей можно прямиком в английскую королевскую семью ехать наследников воспитывать. Две няни! Что тебе не хватает? Почему ты всё никак не угомонишься? Раньше, ладно, по молодости было. Но сейчас-то... Не смейся народ, затихни уже. Нас с тобой судьба свела и чудо нам подарило. Я все-таки дождался тебя. И никуда ты от меня не денешься!

Машина остановилась у подъезда отеля.

Яна прошла мимо портье, даже не поздоровавшись, погруженная в свои мысли. Ее комната была совмещена с комнатой дочки. Яна приняла душ, скользнув взглядом по своим худым рёбрам с синяками. Она ощутила свое полное одиночество и безразличие к своей персоне. Никто не подойдет с улыбкой, не заключит в сильные и мягкие объятия, не прижмет к себе и не успокоит.

Она надела длинный шелковый халат и прошла к дочке. Лидия Николаевна встрепенулась при ее появлении.

– Яна Карловна, всё в порядке. Малышка поела и спит. Ева сегодня отлично себя вела. Не капризничала, хорошо ела, играла. Извините, что с вами? На вас лица нет. Князь Карл сегодня не в духе. Ой, простите, я лезу не в своё дело.

Яна передёрнула плечами и ничего не ответила. Она склонилась над кроваткой, в которой спала дочка.

Лидия Николаевна была примерно одного возраста с Яной. Короткая стрижка, женственная фигура, белокожая и темноволосая. Два высших образования, одно из которых – педагогическое, второе – медицинское. В копилке Лидии Николаевны были три языка, музыкаль-

ная школа и очень хорошие рекомендательные письма от двух высокопоставленных семей, где Лидия Николаевна работала долго, пока не выросли дети.

Яна заметила, что воспитательница сегодня бледна и выглядит уставшей.

– Вам нездоровится? Ева совсем вас замучила?

– Да что вы, Яна Карловна, господь с вами! У вас золотой ребёнок. Девочка чудесная.

– Хорошо. Спасибо вам. Боюсь разбудить Еву, тоже пойду отдыхать. Сегодня мне хватило... информации.

Вернувшись к себе, Яна столкнулась со Штольбергом. Он был в бархатном халате с вензелями, явно надетом на голое тело. От него пахло алкоголем.

– Ты меня напугал, Карл! Прости, я очень устала и хочу спать.

– Дверь была открыта. – Он провёл рукой по ее волосам. – Надо быть внимательнее или смириться с судьбой. А, может, это знак, что ты ждёшь меня, своего мужчину? Я твой мужчина, только я и никто другой, – Карл вплотную приблизился к Яне.

Она отступала на шаг, несколько опешив от его напора.

– Карл, пожалуйста, уйди, уже поздно. Мне на сегодня хватило забав.

– Это точно... – обдал ее перегаром Карл.

– Иди, пожалуйста, к себе, – продолжила Цветкова. – Не стоит нарываться. Убери руки!

– Яна...

– Прошу тебя. Ты русский язык понимаешь?

– Я – да. А ты понимаешь? Не прикидывайся дурочкой. Янка, ну в самом деле, сколько можно? Иди ко мне... – Карл, пожирая Яну глазами, взялся за пояс ее халата.

Яна упёрлась руками ему в грудь, стараясь держать дистанцию.

– Карл, ты что? Не надо! Что на тебя нашло? Ты пьян! Остановись!

– Я могу предложить тебе бокал красного вина? – спросил Штольберг.

– Нет, спасибо. Карл, отпусти меня...

– Белого?

– Карл, я не хочу вина! Поздно уже. Иди, пожалуйста, к себе. Завтра поговорим.

– Э-э, нет! Я настроен решительно. Стоило нам вернуться в этот проклятый город, в который ты так влюблена, и ты сразу стала меня избегать. Забыла обо всем. Что я должен думать? Понятно, что ты рванула к своему Мартину, будь он неладен. Чего только я себе за день не напридумывал. Тебе даже на дочку наплевать, да? Скажи!

– Карл, ты с ума сошел? Отпусти мою руку, мне больно! Пожалуйста. – Яна попыталась отцепить его пальцы от пояса своего халата.

Карл не отпускал ее.

– Пусти меня!

– Не шуми, дочку разбудишь! – Карл справился с узлом и распахнул халат лёгким движением.

– Нет! Пусти! Не смей, слышишь?! – шёпотом закричала Яна.

– Тише-тише. Помнишь, всё же у нас хорошо было? Что-то раньше ты не сопротивлялась.

– Да когда это было? Пусти, говорю!

– Никуда ты от меня не денешься. – Карл почти сломил сопротивление Яны.

– Извините! – раздался женский голос, – Евочка...

Тяжело дыша, Карл отпустил Яну и зыркнул на няню:

– Стучаться надо.

Лидия Николаевна застыла в дверях с каменным лицом.

– У нас с Яной Карловной договорённость, что дверь между ее комнатой и детской никогда не закрывается. Я не должна стучать, чтобы не мешать ребёнку, – виновато захлопала ресницами Лидия Николаевна. – Прошу прощения.

– Всё нормально, – Карл резко взмахнул рукой и вышел из комнаты, оглушительно хлопнув дверью.

Ева проснулась и захныкала. Яна хотела подойти к Еве, попыталась подняться, но, к своему ужасу, не смогла даже двинуться с места, у нее ноги стали ватными.

Воспитательница увидела, что хозяйке нехорошо.

– Яна Карловна, спокойно! Я сама. Тихо-тихо, – засуетилась Лидия Николаевна, стрелой метнувшись в детскую.

Через несколько минут девочка затихла. За это время Яна успела собраться с духом. Но руки у нее тряслись.

Лидия Николаевна снова вошла к ней.

– Яна Карловна, как вы? Могу я чем-нибудь помочь?

– Спасибо. Мне уже лучше. Благодарю вас, Лидия Николаевна.

– Да что вы, Яна Карловна.

– Лидия Николаевна, прошу, просто Яна, для вас – просто Яна.

– Мне не очень удобно. Но если вы настаиваете... Князь был несколько навеселе. Не обращайтесь внимание, с мужчинами это случается. Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь.

– Очень тронута, Лидия Николаевна.

– Лида. Для вас просто Лида.

– Знаете, Лида, у меня с Карлом сложные многолетние отношения. Порой у нас сдают нервы. Вы не обращайтесь внимания, хорошо?

Лидия Николаевна кивнула.

– Помогите мне, пожалуйста, доползти до кровати, у меня что-то с ногами.

Няня заботливо подхватила Яну и помогла ей добраться до кровати. Яна легла, няня помогла ей укрыться одеялом.

– Если не трудно, закройте, пожалуйста, дверь на ключ, – попросила Яна.

Ключ щёлкнул в замке. Яна села на кровати. Няня подошла к зеркальному столику и взяла бутылку коньяка.

– Может быть по стаканчику. На ночь не повредит. Спать будете лучше.

– Хорошо, – согласилась Яна.

Женщины старательно делали вид, что ничего не произошло. Конечно, Яна доверяла Карлу, но сейчас он вёл себя агрессивно, и ее это несколько напугало. Когда человек начинает вести себя непредсказуемо – это всегда вызывает беспокойство и настораживает.

– Выпейте со мной, Лида.

– Яна Ка... Яна, нет, я на работе не пью, да я и так возбуждена не меньше вашего, – ответила Лидия Николаевна. – Вас просто трясёт. Немного коньяка не помешает.

– Кто тут говорит про коньяк и без меня? – раздался громогласный мужской голос с балкона.

Женщины синхронно повернули головы и ахнули. Заслуженный артист, премьер детского театра, перелезая с соседнего балкона, буквально балансировал на тонком карнизе.

– Святые угодники! Иван Демидович! Ты что, с ума спрыгнул? – запаниковала Яна.

Женщины кинулись на балкон и втащили гостя в комнату.

Незванный гость сидел на полу, раскинув ноги и отдувался. Вид его не внушил няне доверия.

– Вас опять надо будет спасать? – сразу же уточнила она. – Я позвоню в полицию?

– Нет-нет, это мой друг Иван Демидович, а это – Лидия Николаевна, няня моей дочери Евы, – представила их друг другу Яна.

– Мадам! Очень приятно, – тяжело поднялся на ноги пожилой верхолаз. – Позвольте ручку поцеловать... – Он склонился к руке Лидии Николаевны, но та убрала руку за спину.

– Это лишнее.

- Ты зачем через балкон полез? – поинтересовалась Яна, усаживаясь на диван.
- А ты как думаешь? – ответил Головко, тяжело опускаясь на диван рядом с Яной. – Плеснёшь рюмашечку, а?
- Да хоть две. Но ты не ответил на мой вопрос.
- За тебя, между прочим, переживал, – ответил Головко и ловко опрокинул в себя коньяк. – Тебя твой психованный князь так решительно уволок, что я даже растерялся, а потом занервничал. Яна, он на тебя руку поднял? Хочешь, я ему морду набью?
- Иван, успокойся! Не побил, всё нормально. Спасибо за заботу. Хорошо, что и ты добрался до отеля, а то я тебя так по-свински бросила, хоть и не по своей воле. Тоже переживала за тебя.
- Я уже большой мальчик, дорогу знаю. Еще плеснёшь этого божественного напитка?
- Яна снова наполнила рюмку.
- Угощайтесь, – Лидия улыбнулась Ивану Демидовичу. Она принесла конфеты, печенье и вазочку с фруктами. – Коньяк французский, выдержанный в дубовой бочке. Сорт винограда – юни блан.
- Старый артист с уважением посмотрел на няню и обратился к Яне:
- У тебя подкованный персонал.
- Стараюсь... – ответила Цветкова и поинтересовалась: – Тебе в свой номер не пора?
- Прогоняешь?
- Иван Демидович, дорогой, я спать хочу. Утро скоро.
- Головко поднялся.
- Всё-всё, ухожу.
- Ты так больше не делай, – Яна строго посмотрела на Головко. – Не рискуй здоровьем и моими нервами!
- Прости, Яночка! В номер неохота идти. Сосед мой по номеру храпит так, что хоть святых выноси. Можно я еще у тебя побуду?
- Нельзя, – отрезала Яна. – Придёт Карл, что я ему скажу?
- Скажешь, что я твой старинный друг, – ответил Иван Демидович.
- Слушай, не бузи! Я устала смертельно, спать хочу, – вздохнула Яна.
- Ты нужна мне еще для одного дела, – остановился в дверях Иван Демидович.
- Не буду мешать, мне пора на боковую, – сказала Лидия Николаевна и направилась в соседнюю комнату.
- Напоследок она услышала от Ивана Демидовича:
- Надеюсь, что мы еще встретимся, милая Мэри Поппинс, когда вы не будете так заняты. Лидия закрыла за собой дверь, загадочно улыбаясь.
- А у нее и поппинс ничего, как ты считаешь? – кивнул на дверь Иван Демидович.
- Пошляк ты. Думаю, что эта Мэри Поппинс скажет тебе: «До свидания». Женщина она очень серьёзная и интеллигентная.
- Так и я, Яночка, очень интеллигентный, а уж какой могу быть серьезный, ты и не представляешь, – заверил Иван Демидович.
- Так что ты хотел? – Яна чувствовала себя очень неудобно. К ней снова мог вломиться Карл, а ночные приключения ее уже достали. Разборки с Карлом стали ее напрягать, он начал переходить границы, а это ничем хорошим кончиться не могло.
- Яна! – вернул ее из раздумий Иван Демидович. – Ты слышишь меня?
- А? Да! Извини. Говори тише, от твоего голоса просто стены трясутся. Что у тебя за сообщение?
- Нам надо идти на кладбище.
- Яна высоко подняла брови:
- Это на тебя так мой коньяк подействовал?

– Да я не шучу! Надо спешить, и немедленно!

– Сейчас?

– Послушай, наше дело пахнет керосином! Нам надо обязательно еще раз осмотреть то захоронение, которое мы якобы разорили. И именно сейчас, иначе потом будет поздно, понимаешь? Ты давай, собирайся, а я вызову такси. – Головка направился к балкону.

– Стой! Иван Демидович, ты сбрендил? Во-первых, выходить ты будешь через дверь, во-вторых, у меня есть шанс тебя образумить?

– Нет, – отрезал Иван Демидович, меняя направление к двери.

– Понятно. Выключаю разум и отправляюсь с тобой. Вместе влипли в эту историю, вместе и выпутываться будем. Подожди немного, сейчас переоденусь.

Глава шестая

– Я не понимаю, Яна, тебе что, всё равно? Нам с тобой статью шьют ни за что. А ведь мы с тобой никакого вандализма не чинили. А что эти родственнички делали на могиле ночью? Не самое удачное время для посещения усопшего, да и не родительская суббота. А потом еще и разгромили свою же могилу. Для чего? – спросил Иван Демидович у Яны, когда они уже вышли из такси и в темноте, спотыкаясь, побрели в сторону кладбища.

Иван Демидович предусмотрительно прихватил с собой коньяк и периодически прикладывался к бутылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.